

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С 54

Соболева, Ульяна.

С 54 Не люби меня / Ульяна Соболева, Вероника Орлова. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Звезда Рунета. Про любовь).

ISBN 978-5-17-095852-8.

Иная любовь... и любовь ли это? Я представляла себе её иначе. Когда-то. До встречи с тобой. До того, как сама прописала эту адскую одержимость в каждой строчке, в каждом слове. И поняла, что для нас с тобой она иная. Точнее, для тебя, а у меня не было выбора, потому что иначе ты не умеешь. Вернул меня. Ты знал всё изначально и ждал. Твой зверь ждал. Сейчас он мечется внутри тебя... голодный, злой, обезумевший от запаха вседозволенности, и хочет половосовать меня когтями, вспарывать плоть острыми клыками и пить из меня жизнь... за каждый день отсутствия — по глотку, за каждую минуту — агония ненависти, раздирающая обоих. Но если бы у любви не было названия, я дала бы ей твоё имя.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-095852-8

© У. Соболева, В. Орлова, текст
© ООО «Издательство АСТ»

1 ГЛАВА

Быть счастливым — это, наверное, чувствовать, что ты живешь. Не знать, не понимать, а ощущать. Кожей, клетками тела, каждым вздохом. Ощущать его на языке со вкусом её поцелуев, под кончиками пальцев, ласкающих её скулы. Оно затаилось в глубине её глаз, там, где я видел отражение собственного взгляда.

— Почему любовь, Лия? — быстрым поцелуем в губы, не позволяя ответить, потому что тогда сорвусь, потеряю голову и наброшусь на неё, сминая такое отзывчивое тело в руках. А я хотел знать ответ. С ней я хотел узнать те вещи, о которых даже не задумывался до неё. — Почему смертные называют это состояние именно так? Ведь любовь — это не чувство... Это не одно чувство. В нём же тысячи, десятки тысяч оттенков, малыш, — прижал её к себе, заглядывая в глаза, падая в голубое небо её взгляда, — почему всего одним словом? Разве может оно передать всё то, что я чувствую к тебе?

— В любви есть ласка, есть нежность, есть забота, есть сумасшествие... — облизнула губы, шёпотом, — страсть...

— Боль, в ней бездна боли, малыш. Когда я смотрю на тебя, мне больно от одной мысли, что ты можешь принадлежать не мне, и я знаю, что всегда смогу причинить тебе боль, посмей только ты... — Стиснул

её в объятиях, намеренно грубо. — Моя любовь до жестокости жадная, Лия. Я не отдам тебя никому.

— Если бы у любви не было названия, я бы дала ей твоё имя... — откинув голову назад, очертила тонкими пальцами мои губы.

И это признание сносит крышу, потому что моя девочка не лжёт. Она не умеет лгать мне. Искренняя. Настолько настоящая, что хочется вдыхать эту правду с ароматом её кожи. Искренность — слишком редкое качество среди разумных существ. Этот мир принадлежит тем, кто плетёт паутины обмана и интриг, вырисовывая узоры лицемерия и продажности.

Но только не Лия. Мой ночной цветок, чей запах навсегда въелся под кожу, обосновавшись в лёгких.

Губами пройтись по скуле, спускаясь к подбородку, жадно впитывая в себя её дыхание, сатанея, когда нежные пальчики впиваются в ткань рубашки.

— Нейл... — на выдохе, прямо в ухо, еле слышно... но с таким надрывом, что последние остатки разума покидают голову.

— Доигралась! — почти зло, потому что вижу смешинки в уголках глаз, потому что эта маленькая женщина управляет мной с такой лёгкостью и даже не догадывается об этом. Потому что это не она передо мной на коленях, это я у её маленьких стройных ног, я не в силах отказаться от неё, не в силах дышать без неё, думать, существовать. И самое страшное — я понимаю, что у неё это может пройти, а у меня нет, и это фатально для нас обоих.

Развернуть её к себе спиной, впечатывая в стол, наклоня и задирая платье, чтобы войти одним движением, до упора наполнив собой, заставив прокричать моё имя. Чтобы после закрыть ей рот ладонью и вдавливаясь сзади, под её рваное дыхание и стоны. Грубо сминая грудь и оттягивая соски, вгрызаясь в затылок, оставляя на нём следы — свои автографы. Зная, и, дьявол, это знание было самым

драгоценным в моей жизни, что она не будет скрывать ни один из них. Что она гордится каждым из этих трофеев.

Поймать затуманенный взгляд в зеркале напротив и поклясться самому себе, впервые, мать её, за тысячелетие, что она будет моей. Совсем тихо, одними губами. Но ведь самые важные вещи на свете мы произносим про себя и только себе.

А потом вдруг понять, что летишь с отвесной скалы со скоростью света вниз, в пропасть без дна. А вокруг — осколки того самого счастья острыми краями вспарывают твою кожу, и бездна с радостью пожирает капли твоей крови. Черный невозможно раскрасить, черный поглощает всё, потому что это цвет боли. Теперь я знал её горький вкус. Попробовал лично, она опалила мне внутренности, и я горел живьем в адском костре, нескончаемо.

— Это невозможно, мой император! — ладони сжались в кулаки. Слабость, которую я не успел предотвратить и которую Алерикс, несомненно, заметил.

— Почему? — вздёрнул бровь, склонив голову набок, всем своим видом показывая, что мои аргументы не имеют никакого значения, но он всё же выслушает их.

— Этот nihil — моя собственность! В её создание было вложено слишком много сил и средств, император. Но я готов отдать тебе других, не менее, а даже более ценных и необходимых на Континенте nihilов.

— Я могу оплатить тебе все расходы, понесённые некогда при её создании и обучении. Я не говорю о содержании, так как, — Алерикс пошло усмехнулся, — слышан, что девчонка сама неплохо отрабатывает его.

Император вдруг резко встал с кресла и подошёл ко мне:

— А также я могу конфисковать всё твоё имущество и сослать тебя в Необитаемые земли. Сколько ты там продержишься, Нейл Мортифер? Без крови, без плоти, без эмоций? Чем ты будешь питаться? Своими чувствами к этой... — щёлкнул пальцами, подбирая слова, — смертной шлюхе?

— Я Мортифер, а не низший Деус, Алерикс. А это значит, что ты не посмеешь поступить со мной так же, как поступаешь с неугодными тебе.

Да, мать твою! Ты сам захотел открытого противостояния.

— Зачем тебе мой nihil, Алерикс? Она может немногим больше, чем десятки подобных ей.

— Ложь! — Император вдруг резко развернулся и прошёл к камину. Остановился, глядя на то, как играют языки пламени. — Будь она такой же, как все, ты бы не относился к ней, как к равной, Нейл. И я никогда, слышишь? — Алерикс вдруг просунул в огонь ладонь и повернулся в мою сторону, — я никогда не поверю, что ты, — кожа на руке начала обугливаться, сгорая, мерзкий запах распространился по кабинету, — смеешь возражать мне только из-за того, что она качественно сосёт твой член. Я знаю, что у тебя есть планы на неё, — я чувствовал адскую боль этого ублюдка, я инстинктивно впитывал её в себя, а он даже не морщился, — но её ХОЧУ Я! И ты уступишь мне её, Нейл. Или же... — Алерикс вынул руку, обгоревшую до кости, и пошевелил пальцами, злорадно улыбнувшись, — я не люблю рисковать, племянник. Я никому и никогда не позволю иметь столь мощное оружие, как твоя подстилка. — Склонил голову набок и улыбнулся: — Наелся, Нейл? Таких первоклассных блюд не подадут ни в одном ресторане, ты же понимаешь это?

Понимаю, ублюдох! Как и то, зачем ты устроил этот грёбаный акт самосожжения. Как и то, что совсем немного, и я пошлю к черту все планы, которые вынашивал эти столетия, и вгрызусь в твоё горло. И мне плевать на десяток твоих охранников за дверьми кабинета и на сотни приспешников по всему дворцу. Но мерзкая мысль о том, что моя смерть — это в первую очередь приговор Лие, не давала сорваться. Только сжимать и разжимать кулаки, ожидая дальнейших слов императора.

— Так вот запомни, мой трон достался мне слишком большой ценой, чтобы я обращал внимание на такие категории, как фамилия, знатность, родство или... собственное тело. Понимаешь меня, Нейл? — Широко улыбнулся и прищурился. — Да, понимаешь. Более того, не раз думал о подобном, так ведь? В твоих глазах ненависть, Нейл, и мне приятнее видеть её, чем сделанное подобострастие остальных. Подобострастие, как сладкий десерт, хорошо только первые три ложки, дальше тебя начинает тошнить. Но ненависть... особенно ненависть достойного соперника, сродни острому перцу. Без него блюдо не перестаёт быть съедобным, но теряет свой изысканный вкус. — Алерикс крикнул слугу, приказав принести ему обед. — Итак, девчонка должна быть у меня через неделю. Я дам тебе право наслаждаться её роскошным телом ещё семь дней. Не теряй время даром, племянник.

И я не терял. Я брал её несколько раз в день. Жадно, жестоко, быстро и дико, долго и нежно. Я заставлял её кричать, и она срывала голос, терзал её пальцами, не проникая в тесную глубину, и она прокусывала губы до крови, умоляя взять её по-настоящему, трахнуть так, чтобы сыпались искры из глаз. Я набрасывался, как голодный зверь на свою жертву, стараясь насытиться её телом и голосом,

тяжёлым дыханием и слезами болезненного удовольствия. Вот только ею нельзя было насладиться вдоволь, про запас. По двадцать часов в сутки. Только четыре часа на её сон. Столько позволяла моя алчность. А в эти четыре часа, пока она спала в моих объятиях, слушать её дыхание и думать... слышать, как крутятся шестерёнки в собственном мозгу, как со скрипом просчитываются все возможные варианты, зрительно прорисовывая схемы пути отхода. Но все пути обрывались у подножия трона императора. Все, кроме одного, который был отброшен в самый дальний угол сознания, не как запасной, но как самый крайний. И, будь он проклят, этот путь оказался единственным возможным! Единственным, который не оканчивался её смертью или жалкой судьбой императорской шлюхи. Да, грёбаный ублюдок утверждал, что Лия интересует его лишь как сильный нихил. Но я, мать его, чувствовал, я видел блеск нескрываемой похоти в его глазах, когда он смотрел на неё. Дерзкое, ничем не прикрытое желание. И вечный вызов в глазах. Ну же, Мортифер, рискни! Я ведь хочу твою женщину! Он знал, что все остальные... все закончили свои жизни сразу после того, как позволили себе больше, чем просто взгляд на неё. Одно движение руки в сторону моей малышки, и наутро богатейшего Дедуса Континента нашли обезглавленным и кастрированным. Как и многих других приближённых Алерикса. Это была наша с ним своеобразная игра. Он открывал мне доступ к их мыслям, и я слышал, как трещат мои собственные кости, глядя, словно в кино, на грязные фантазии этих ублюдков. Каждый из них после подобного проживал не более суток. Ровно столько, сколько мне нужно было, чтобы увести свою девочку домой, уложить её спать и вернуться за ними, чтобы лишить головы и члена. Чтобы больше никогда не смели думать о ней и желать её.

Я давно перестал скрывать своё отношение к ней. С одной стороны, это было даже на руку. Пусть лучше считают это слабостью, принимая её лишь за мою любовницу, чем догадываются о той связи, что теперь соединяла нас. Изящная усмешка судьбы — маленький нихил не то что не растеряла свои способности после нашей первой ночи, а стала гораздо сильнее. Теперь ей достаточно было произнести моё имя мысленно, и я слышал её зов. Теперь я ощущал её эмоции на расстоянии. Не как Деус, а как связанный с ней мужчина. Легенда, в которую не верили даже дети, оказалась правдой. И именно это насторожило императора. У монархов не бывает друзей. Те единички, что преданы им, поддерживают, как правило, не правителя, а режим. И до тех пор, пока этот режим и корона сулят им определённые блага, они останутся верны императору. И это не низко, и не подло. Это естественно. Ведь нет ничего более естественного, чем страх за свою шкуру, за свою территорию и потомство. Понятия чести и достоинства были придуманы теми, кто не мог отстоять свои права в бою. Настоящие же звери готовы драть кого угодно за то, что считают своим.

И я тоже был готов разорвать на части Алерикса и весь Единый континент только за попытку отобрать мою девочку. Император не просто хотел нихила. Он до трясушки хотел Лию как женщину. На одном из приёмов сукин сын попросту раскрыл мне свои мысли... глядя на Лию... показывал мне картинки, на которых она ублажала его ртом... на которых он вновь и вновь подминал её под себя и драл на части... во всех смыслах этого выражения. С вызовом в глазах, понимая, что ему не грозит участь его сдохших придворных. Пока не грозит.

Именно поэтому я и предал свою девочку. Слушал, как она зовёт, как безмолвно кричит, и позволял жалким ублюдкам избивать её, унижая, причиняя

страдания. Жестоко. Так, чтобы поверили все, что Нейлу Мортиферу наплевать на смертную. Стоял всего в нескольких метрах от нее, в другом помещении, и крошил стены, сдерживая рёв, вымещая ярость на мятежниках. Разодрал каждого из них на мелкие части, представляя, что это те, кто мучили Лию. Горстка низших, дни которых теперь были сочтены.

«Это же я. Твоя малышка. Твоя Лия. Вечно твоя». Моя девочка! Всегда моя! И сердце корчится от дикой боли, истекая кровью, перестав сокращаться. Оно извивается в дикой пляске, чтобы, разорвавшись, жалкими ошмётками упасть к её ногам. Оно беззвучно молит о прощении... Но Лия не видит и не слышит его предсмертного хрипа. Она захлёбывается в своей собственной агонии, не понимая, отказываясь верить в происходящее, до последнего не выдавая меня. Даже когда услышала о женитьбе... даже тогда не опустила до предательства. Продолжала молча терпеть издевательства. Вот только её глаза больше не горели, они потухли вместе с надеждой, что я заберу её, что я им не позволю. А я не мог... Не мог ничего сделать, только смотреть и молить дьявола, чтобы император поверил в этот спектакль и отпустил её.

Но каждый удар отпечатался у меня внутри, каждый её крик стоит в ушах, каждый шрам внутри меня кровотоцит. И нет наслаждения болью. Её боль порождает мою собственную, и она сильнее, она как голодное животное обгладывает мои нервы, мое самообладание.

Я не стал говорить с ней. Не стал рассказывать, что моя свадьба — это её билет в жизнь, что я попросту купил ей свободу и я готов был ради этого на всё, готов был не просто жениться, а обречь на десяток подобных Селене только за обещание Алерикса более мягкого приговора.

Низшие так и не смогли взломать блок, поставленный мною. На это был способен только импера-

тор, но Алериксу тогда было не до показаний обыкновенного нихила.

Незадолго до поимки Лии произошло сразу два масштабных бунта в разных концах Континента. Сразу две семьи заявили о своих притязаниях на трон, завуалировав истинные интересы массовым недовольством сокращающихся ресурсов и беспредела правящей фамилии. Впрочем, мятежи были довольно быстро подавлены. Мной. Нельзя было позволить заняться этим самому императору, иначе он бы понял, кто стоял за ними.

А потом её дикий страх. Впервые страх. Жуткий ужас и неприятие. Впервые она отказывается впустить меня в себя. Она просит, заклинает не стирать её воспоминаний, не понимая, что там, в душе, я уже давно стою на коленях перед ней в немом призыве простить за то, что собираюсь сделать. И её боль... Чёрным цунами по кончикам пальцев, по венам к сердцу, к сознанию. Так больно, что хочется выть вместе с ней, и кровь подступает к горлу, а я судорожно глотаю, чтобы не вырвало. Не показать свою слабость. Не показать, как захлёбывается в боли душа, как её корёжит от каждого крика девочки. Когда-нибудь они все заплатят за твои слёзы, Лия. Мы вместе призовём их к ответу. В тот день я убил нас обоих.

А потом проклятое время, растянувшиеся в десятилетия, в которых каждый день был похож на другой. Поддержка императора и новые земли, которыми мне предстояло управлять. Жена, которую я не видел годами. Селена Мантелла. Дочь самой влиятельной после Мортиферов фамилии. Кто-то считал её красивой, кто-то завидовал статусу и влиянию её отца, кто-то подсчитывал, сколько выиграли Мантелла на родстве с Мортиферами. Я же смотрел на её светлые волосы, точёную фигуру и думал о том, что

именно благодаря свадьбе с ней Лия всё ещё жива. В другом мире. Возможно, с другим мужчиной... но жива, дышит, смеётся, мечтает.

Это была более чем веская причина периодически покрывать Селену в надежде, что она понесёт и мне не нужно будет больше трахать её. Мне не нужен был этот ребенок. Но он мог стать гарантом нашей связи с Мантелла — владельцем целой армии высококлассных контрактников на Континенте. Солдат, которые были преданы императору. Но преданы до тех пор, пока я служил ему. Несколько сотен тысяч душ в этом мире и десятки тысяч из других миров. Армия, которая обещала гибель всему Континенту, если он не сложит голову передо Мортиферами.

Но никто не знал, что каждый гребаный день я ее ждал, искал, выворачивал наизнанку эти проклятые миры, взывал к нашей связи, отдавая ей картинки, тысячи картинок. Она должна была их почувствовать. Должна! И она почувствовала. Спустя семнадцать лет. Первый раз, впусив меня в свой сон, а дальше по нарастающей. Я нашел, уловил сигнал и уже мог навести справки. Я узнал о ней все. Только одному дьяволу известно, как я выл от ревности, когда мне донесли о ее замужестве, как я рушил стены, убивал и жаждал смерти. Много смерти. Так много, чтобы, нажравшись чужой боли, не думать о ней, не представлять с другим, не разлагаться от бессильного яда ненависти, чтобы не желать убить ее. Найти и вырвать ей сердце, а потом сдохнуть и самому. Но это я сделал. Я отправил ее туда и винить могу только себя. Резать до крови, до кости собственные пальцы, чтобы с наслаждением пожираться и собственную боль, вспоминая, как ласкал ее тело этими руками.

Винить не в том, что стер ей память, а в том, что позволил себе слабость... Когда-то давно.

Я позволил себе полюбить её.

2 ГЛАВА

Она отдалялась. После того вечера у императора Лия сделала ровно два шага назад в ответ на мой один вперёд. Избегала встреч, скрываясь в своей спальне. И дрожа в страхе от понимания, что никакие двери не могут удержать меня. Сидела на кровати часами, уставившись в одну точку, обхватив руками плечи и вздрагивая от каждого звука. Человек не бывает более беспомощным, чем тогда, когда рушится его понятие о реальности. Когда твой мир летит ко всем чертям, разбиваясь на части, и всё, что тебе казалось неизблемым и постоянным, разрушается и крошится на твоих глазах, то очень легко потерять себя среди тех ошмётков реальности, которая пока ещё теплится. И люди чаще всего выбирают полное отрицание произошедшего. Жизнь в иллюзии не так плоха, если даёт гарантию наступления завтра.

Но я и не приходил к Лие. Ей хватало ночных кошмаров. Переносить их в реальность пока было рано. Зато нужно было попытаться вытащить из того болота, в которое я окунул её когда-то. Вытащить самому, чтобы собственными глазами увидеть, как она сделает свой первый вздох в этом мире. В своем мире. Почему-то мне казалось, что она перестала дышать, как только я вступил в портал. Не умерла. Но и не ожила. Словно я отобрал у нее дыхание. И не мог вернуть, потому что она не желала и не готова была принять от меня ничего.

Ещё накануне я приказал приготовить для неё одежду и теперь ждал внизу, бросая периодически взгляды на лестницу. Конечно, я почувствую её, как только она подойдет к двери своей комнаты. Но я хотел увидеть её взгляд. Её первый взгляд на меня после той оргии.

Я никогда и никого не боялся в этой жизни. Страх — это последняя эмоция, которую я мог ис-

пытывать. Инстинкт самосохранения, но не страх. Смерть пугает смертных. Бессмертным же любопытно, что их ждет за воротами ада, потому что даже костлявая с косою не одарит просто так своей жуткой лаской Деуса.

Сейчас я впервые испытал нечто, похожее на страх. Я хотел и одновременно боялся смотреть ей в глаза. Я боялся, что никогда не увижу в них свое отражение, как раньше. Я задыхался без её любви. Она была мне необходима в этом мире фальши. И как истинный эгоист я жаждал только одного — снова быть настолько любимым ею, чтобы даже воздух пропитался этим общим безумием. Как когда-то. Как раньше. Черт меня раздери, как же я скучал по НАМ. Подыхал от тоски.

Я не могла прийти в себя. Нет, я существовала, смотрела на эти стены, на этот дом, на себя в зеркало, и мне было страшно. Невыносимо страшно, что я потерялась. Осознание затаенного кошмара не заканчивалось, он окружал меня со всех сторон, впитался в меня и заставлял усомниться в собственном существовании. Я с ужасом ожидала, что он придет ко мне. Не знаю, как я могла любить это чудовище, этого монстра. Как я могла видеть его иным, почему мое проклятое сознание раскрасило его теми цветами, которых в нем не было совершенно. Там только черный, и он поглощает все вокруг, он подбирается ко мне чтобы сожрать, как гигантская паутина. Но все равно, где-то внутри я понимала, что часть меня все еще замирает от одной мысли о его прикосновениях. словно я изнутри разделилась на две части и одна все еще не утратила веру, что там, в его мраке, я смогу найти то, что видела раньше, то, что чувствовала. Если то, что говорит Нейл, правда, то я все же помнила его. Мое со-

знание... там сохранились какие-то обрывки чувств. Если только... От одной мысли я задохнулась — если только это не он отправлял мне картинки, которые искажало расстояние.

Несколько дней ко мне не приходили, только приносили еду, а сегодня служанка аккуратно разложила на столе мой гардероб и сказала, что Хозяин желает, чтобы я спустилась к нему вечером.

Я не рассмотрела вещи, отметила только, что платье белоснежное, как и туфли на каблуках, как и нижнее белье. Усмехнулась — черное в самый раз для этого места, где все напоминает огромный склеп, а белое как насмешка, как издевательство.

Словно заторможенная после тяжелых снотворных препаратов, переделась и, расчесав волосы, даже не посмотрела в зеркало. Мне снова было страшно. Я не могла представить, зачем ему понадобилось меня увидеть. Но что-то внутри меня подсказывало — ничего хорошего мне это не сулит. Спустилась по лестнице, ощущая легкую слабость, и скорее почувствовала присутствие Нейла, а когда увидела... та проклятая часть меня, та самая наивная, идиотская часть, которая во что-то верила, вспорхнула вверх, выше, выше, вопреки доводам рассудка, наперекор мурашкам ужаса. Сердце забилось быстрее, дыхание участилось. На него невозможно смотреть и не почувствовать головокружение от этой красоты. От этой мрачной ослепительной идеальности... Глаза не хотят видеть мрак... они наслаждаются насыщенно-синей бездной, которая мгновенно поглотила меня в свой плен.

Красивая... Настолько красивая, что сводит скулы от желания схватить её в охапку, сжать руками тонкую талию, впечатывая её в себя. Жадно изучать руками тело под белой тканью, любуясь чёрным во-

допадом волос. Великолепный контраст молочной кожи и ярких голубых глаз с тёмными волосами. Она изменилась за эти годы, исчезло очарование юности, хрупкость форм, даже некая угловатость. Она стала женщиной, безумно красивой женщиной, а я оголодал за эти годы настолько, что меня заводил даже взмах её ресниц. Каждый мой нерв дрожал от напряжения и от внутренней борьбы, бешеного противостояния зверя с любящим ее мужчиной. Где каждый пытался выгрызть свое...

И пусть там, в её взгляде, затаился страх, пусть тонкие пальцы судорожно сжимают маленькую ладонь... Даже сейчас она выглядела роскошнее и сексуальнее всех женщин этого грёбаного мира. Так бывает, когда ты находишь свою женщину. Чистый секс. Испуганный и соблазнительный.

Сегодня я одел её в белое. Я захотел подарить ей и себе кусочек света на пути в полный мрак. Только белый не всегда цвет непорочности. Особенно если его носит та, от присутствия которой захватывает дыхание и теряется контроль над собственными эмоциями.

— Здравствуй, Лия! Ослепительно выглядишь.

От его голоса по коже мурашки. И нет, это не страх. Он говорит со мной... иначе. Звук его голоса не сочетается с тем, что я видела. С теми зверствами, которые он намеренно мне показал. Но я знала, что и это обманчиво. В любую секунду его голос может измениться, и от одного звучания я опущусь на колени. Медленно выдохнула.

— Сегодня меня тоже ожидает представление, подобное прошлому разу?

— Очередная встреча с прошлым... — наклонил голову набок. — Тебе страшно, Лия?